

(00:10:00) (Начало записи)

Приглашение на сцену: «Заблуждение в экономике. Как развеять мифы и начать развиваться» начинается?» На сцену приглашаются. Модераторы: Бабкин Константин Анатольевич, председатель Московского экономического форума, президент Ассоциации «Росспецмаш», Гамза Владимир Андреевич, председатель Совета ТПП по финансово-промышленной и инвестиционной политике. Докладчики: Гончаров Михаил Петрович, основатель и управляющий сети «Теремок». Катасонов Валентин Юрьевич, председатель Русского экономического общества имени Шарапова, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства. Колташов Василий Георгиевич, директор Института нового общества, экономист. Марцинкевич Борис Леонидович, главный редактор аналитического журнала Geoenergetika.info.

Константин Бабкин: Добрый день, уважаемые участники нашего круглого стола. Поздравляю вас со вторым днем, который успешно проходит на нашем Московском экономическом форуме. Мы сейчас обсуждаем заблуждение в экономике, как развеять мифы и начать развиваться. Действительно, и вчера обсуждали эту ситуацию странную. И сейчас это обсуждение обострим, концентрируем. Вот эта странность ситуации состоит в том, что мы живем в двух мирах, в двух разных мирах идей, даже физических в чем-то мирах. У нас даже в этих мирах время по-разному течет, о чем я вчера попытался сказать.

Это даже можно вот сейчас видеть невооруженным взглядом. То есть мы говорим о развитии реального сектора экономики, вообще об огромном потенциале России. И уже не первый год проходит наш Московский экономический форум. Ни одного чиновника, вот ни одного я не видел, может, кто-то знает здесь действующих чиновников, может, они присутствуют здесь, или кто-то их видел на нашем Форуме. Но я не знаю таких фактов.

И это значит, что существует Россия, мы с вами часть России. И Россия живет в двух параллельных физических мирах. То есть, есть люди, которые верят в развитие России, занимаются каждый день этим самым развитием, строят планы по этому самому развитию. Есть какая-то другая Россия, где все хорошо, все идеально, даже, может быть, слишком быстро Россия развивается. Надо не допустить перегрева экономики России, надо охладить экономику России. Вот эти два мира даже физически не особо встречаются. И я, например, министра экономического развития, ни разу не разговаривал ни с действующим, ни с предыдущими несколькими министрами, они сменились, ни разу я с ними не разговаривал, никакого совещания не было, никакой дискуссии. Никто ни разу из этого Министерства экономического развития не спросили, как лучше развивать, например, сельхозмашиностроение или строительно-дорожное машиностроение. Вот им это не интересно. Они развивают некую экономику, которая вообще не является машиностроением, вообще промышленностью не является. Согласитесь, это странно, тоже.

Центробанк, у него экономика перегрета, и все мощности задействованы, и дальше развиваться некуда просто России. Мы говорим: «Ребята, у нас вообще-то падение, у нас мощностей запас, многократный запас, и если мы исчерпаем этот запас, загрузим все

мощности, мы можем создать и новые, с этим вообще в современном мире никаких проблем нет. И сельское хозяйство можно развивать еще много и кратно увеличивать объемы производства, продовольствия, и не надо тормозить развитие сельского хозяйства, вводя экспортные пошлины, забирая доходы у фермеров и сознательно запрещая им развитие».

Странности есть в налоговой политике, с одной стороны, вроде стране надо развиваться, но налоговая политика делает все для того, чтобы те, кто вкладывает в развитие, думает о том, пытается вкладывать в развитие, вот эти вот самые вложения облагаются максимальными налогами, и те, кто трудится на промышленных предприятиях, они облагаются самыми высокими налогами.

То есть такой странный мир какой-то, вроде ходим все по одной земле, но вообще смотрим на это по-разному и там, где мы хотим, чтобы время бежало быстрее, хотим видеть прогресс, нам тормозят вот это время, говорят – нет, надо замедлять это все, эти процессы.

(00:15:01)

Там, где мы говорим – давайте традиций придерживаться, дорожить тем, что у нас есть, хотят это все разрушить, деконструировать, высмеять по-прежнему хотят, и прошлое нам хотят осмеять, очернить и говорить, что у вас там все плохо, вы ничего работать не умеете, и даже если были какие-то успехи в промышленном развитии Советского Союза, это было достигнуто кровью, ужасом, нищенством чего-то, ограблением кого-то.

В странном мире живем, у нас много мифов, мифы о том, что все хорошо, о том, что борьба с инфляцией – это главная задача вообще экономической политики, много мифов, я думаю, мы сегодня обсудим каждый из них. Давайте обсудим вот это, высветим эту странную ситуацию и подумаем, как вот эту раздвоенность нашего общества преодолеть, я верю в то, что если эта раздвоенность будет преодолена, то нашу страну, нашу с вами страну ждет век процветания просто, динамичного развития, и никто этого не сможет остановить, если мы сами наведем у себя в голове порядок.

Поэтому давайте поработаем, и Владимир Андреевич подготовил нам выступление, напомню его должность, он председатель Совета Торгово-промышленной палаты по финансовой политике, финансово-промышленной и инвестиционной политике.

Владимир Гамза: Спасибо. Спасибо, Константин Анатольевич. Добрый день, уважаемые коллеги. Я, совершенно очевидно, не все заблуждения смогу вам предоставить, но основные какие-то, на мой взгляд, в экономике и финансах, я все-таки попробую вам донести.

По прошлому году мы по-прежнему остались на четвертом месте по ВВП, по ППС в мире, и мы слышим много таких радужных реляций, как здорово, мы развиваемся, мы держим четвертое место, все замечательно и так далее. Во-первых, там внизу зеленым, ниже нас обозначены две страны – Бразилия и Индонезия, и темпы роста в них сильно выше, чем у нас, практически в два раза, а по населению Бразилия в полтора раза больше нас, а

Индонезия в два раза больше нас. Так что совершенно очевидно, что в ближайшее время они обойдут Японию и Германию и начнут наступать нам на пятки. Это один момент. Второй момент, если вы возьмете в длинную, посмотрите с 1990-го по включительно 2024 год, темпы роста экономик мира, то вы увидите, мир развивался темпами более 600% за это время, а Россия – 412%. Мы развивались все эти 34 года медленнее в полтора раза, чем мир в целом. И на самом деле, в перспективе, если мы не изменим экономическую и финансовую политику, мы так и будем отставать-отставать-отставать от мира.

Отставание от средних темпов роста мира – это очень высокий уровень отставания, потому что средний темп развития мира – это включая все беднейшие страны – африканские, азиатские, латиноамериканские. Поэтому пока рано чему-то радоваться, потому что четвертое место обеспечили огромные расходы и огромные ВВП, которые были созданы в оборонно-промышленном комплексе и сфере безопасности. Около 40% ВВП создано было здесь.

И поэтому, если мы будем развиваться темпами выше 3% в год до 2030 года, а в среднем мир будет развиваться примерно такими темпами, то мы удержимся на четвертом месте. Если мы будем развиваться темпами ниже 2%, что, скорее всего, и будет, начиная с этого года, то мы окажемся на седьмом месте. И впереди нас будет по-прежнему Япония, Индонезия, Германия и Бразилия.

(00:20:07)

Вот цифры, которые сегодня консенсусно, экспертно определены, которые говорят о темпах нашего роста, развития в этом году. Да, будет опять рост, да, но он будет в два-три раза ниже, чем был рост в 20223 и 2024 годах. А это очень сильно беспокоит, вообще-то это соответствует вот тому уровню роста, который был все 34 года.

Это печально, вот структура ВВП прошлого года, она как раз говорит о том, что уже с мая 2024 года мы начали остывать, экономика начала остывать. Вот эти реальные сектора экономики обозначены красным, они все по прошлому году дали отрицательный результат. По некоторым позициям очень высокий, особенно чистый экспорт, почти в два с половиной раза.

И самая большая проблема, опять мы хвастаемся: вот инвестиций в основной капитал там так много по прошлому году, там большое количество, вот эти цифры закрывают тайминга, ну бог с ним. Но мы и по прошлому году при высоких, как бы высоких темпах роста инвестиций в основной капитал, и поэтому по 2023-му и 2024-му мы все равно не достигли 20% ВВП. А в мире давно уже выработано четкое понимание: если вы хотите развиваться темпами равным общим мировым, надо иметь инвестиции в основной капитал 25%. А чтобы быть опережающими 30%, в Китае 42%, почувствуйте разницу.

И других нет, а кстати там цифра предыдущая, я куда-то уехал. Вот там есть цифра, кредиты банков, доля в общем объеме инвестиций в основной капитал 8,6%. Банки, вот этот безбрежный океан, это банки на финансовом рынке, это доля банков в активах финансового рынка, 81%. Вот эта гора рождает вот ту маленькую мышь, меньше 10%

инвестиций в основной капитал. Все остальные сектора финансового рынка вы видите, они очень маленькие, а рынок ценных бумаг вообще сжался до такой степени, что просто ПИФы стали больше, чем весь рынок ценных бумаг. В прошлом году, мне прямо стыдно за эту цифру, IPO у нас в стране были 66 миллиардов рублей. Слушайте, меньше миллиарда долларов, это просто какая-то катастрофа с этим, но зато ставка, ставка высокая в надежде, что когда-то что-то случится.

Национальные проекты предусматривают, что будет в целом на нацпроекты в среднем с увеличением, вот в этом году там 5,8 трлн, а дальше будут там с увеличением идти. В среднем будет 10 трлн рублей в год, но я хочу, чтобы все понимали, что половина национальных проектов не относится к производительной сфере. Это означает, производительной сфере достанется лишь 5 трлн рублей, а оценка промышленности сегодня говорит о том, что минимум для того, чтобы сохранить то, что осталось от советской России, и выстроить новую промышленно-индустриальную мощь страны, нужно минимум 10 трлн в год вкладывать только в промышленность.

Это подтверждают опросы, которые ведет Росстат всех предприятий. 70% предприятий требуют обновления оборудования и технологий, и 50% автоматизации. Для этого нужны огромные ресурсы и инвестиции. Естественно, не при ставке более 20%.

Инфляция. Я взял специально, проанализировал период с 2014 по 2021 год, тот самый период, когда не было каких-либо кризисов ни международных, ни в России, то есть более-менее стабильные показатели.

(00:25:06)

Так вот, эти данные по росту и инфляции говорят о том, и при высокой инфляции может быть высокий рост. В 2023 году Турция при инфляции в 50% дала самый высокий в мире рост в 11%. И при низкой инфляции может быть высокий экономический рост. И при средней инфляции, и наоборот, при низком росте может быть высокая инфляция и так далее. Не существует никакой жесткой зависимости инфляции и экономического роста, потому что Центральный банк считает, что экономический рост – это функция инфляции. Да нет. Экономический рост – это функция инвестиций в основной капитал, а инфляция – это функция экономического роста. При высоком экономическом росте может быть высокая инфляция, но если экономический рост долгосрочный, инфляция падает.

Ну и инфляция и высокая ключевая ставка. Я здесь выделил основные причины нынешней инфляции у нас в стране и попробовал привязать высокую ключевую ставку к возможности управления, таргетирования этими причинами. Не работает ключевая ставка ни по одной из этих причин. Мне так и хочется иногда задать вопрос, я кстати завтра буду встречаться с руководством на выездном заседании Центрального банка в Рязани, мне хочется задать вопрос: а вы полагаете, что такая высокая ставка остановит высокий рост расходов на оборону, безопасность в стране? Да нет. Она просто ударит естественно по гражданским отраслям.

И последнее. Мы настолько увлеклись сырьевой экономикой, что не заметили, как в мире все очень сильно изменилось. Ключевыми факторами экономического развития являются а) природные ресурсы, б) инвестиции в основной капитал, с) инвестиции в человеческий капитал. Если вы возьмете середину XIX века, то да, впереди были природные ресурсы. Если вы возьмете начало XX века, то вы увидите, что очень сильно все изменилось. Так вот, в 2020 году, есть данные по 2020 году, мы очень сильно отстаем от ситуации с изменением роли факторов в экономическом развитии. И самое главное, мы отстаем по человеческому капиталу.

Сегодня главным фактором экономического роста, развития экономик становится человеческий капитал. К сожалению, инвестиции в человеческий капитал у нас на самом последнем месте по остаточному принципу. Мы и по инвестициям в основной капитал отстаем сильно, а по инвестициям в человеческий капитал совершенно, я бы сказал, на сегодня катастрофически отстаем. Поэтому хотелось бы, чтобы вот эта информация о тех заблуждениях, которые сегодня есть в нашей экономической и финансовой политике, они были приняты и как-то учтены. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Владимир Андреевич. То есть мы развеяли мифы пока о том, что Россия развивается быстрее, чем другие страны, что все у нас хорошо. Очевидно, что это совсем не так. И, естественно, политика ЦБ совсем даже не способствует развитию нашей страны. Так, идем дальше, работаем с остальными мифами. Гончаров Михаил Петрович, основатель и управляющий сети «Теремок».

Михаил Гончаров: Спасибо. Добрый день. Я такой практический расскажу кейс, я занимаюсь последние три года реформой налогообложения в отрасли общественного питания. И когда мы смотрим на общие выводы о том, как растет экономика, какая инфляция, это все хорошо, но не дает рецептов, не дает рецептов развития, что должно измениться в стране, в правительстве, в методике принятия решений, чтобы ситуация изменилась. Вот, смотрите, у нас есть четыре министерства: Министерство финансов, Министерство промышленности и торговли, Министерство экономического развития и Федеральная налоговая служба.

(00:30:07)

И есть в общественном питании такой дисбаланс. Когда предприятие начинает работу, оно работает на льготных режимах МСП, и дойдя до оборота 2 млрд рублей, переходит в режим основного налогообложения ОСНО, и налоговая нагрузка вырастает примерно в полтора раза. И те предприятия, которые уже перешли эту планку, они правдами и неправдами решили эту проблему, кто-то раздробился, а кто-то просто перестал развиваться, потому что не имеет прибыльности.

А вот те компании, которые дошли до 2 млрд, и таких сейчас около 20 компаний в стране, они стоят перед дилеммой. Либо открывается серая вторая компания, распределяются учредители, и она тогда остается на этом режиме, либо она переходит 2 млрд и становится убыточной. Причем одна из сетей имеет 35 ресторанов, и они посчитали, что

просто для того, чтобы оставить прибыльность, им нужно еще открыть 35 ресторанов, и только тогда прибыльность будет такая же, как в начальной точке, имея 35 ресторанов.

И вот с этим вопросом я три года назад обратился к президенту напрямую на съезде «Деловой России», президент горячо поддержал и дал поручение правительству. В правительстве была эта идея похоронена, но мы начали работать уже по министерствам, то есть мы пришли в Минпромторг: «Вы же за развитие?», «За», «Давайте сгладим режим?», «Давайте», Министерство экономического развития, самый главный толкач должен быть развития в стране, они тоже изучили, посмотрели модели ресторанов, тоже делаем, а потом Министерство финансов говорит: «Так ребята, а там же какие-то налоги выпадут, мы против».

Я для себя вот как сформулировал, представьте, мы имея сейчас 346 ресторанов, хотим открыть новый, нашли хорошее место, есть ресурсы человеческие, оборудование есть, а финансовый директор говорит: «Вы знаете, чтобы развиваться нужно же деньги потратить, вложить, они же вот сейчас есть у нас, а их не будет». Я говорю: «Так мы же потом заработаем». «Нет, ну мы сейчас-то отдадим деньги», и вот это выглядит смешно, но реально мы не исправляем очевидные такие проколы в налоговой системе, которые позволили бы развиваться активно, но они не меняются.

И вот сейчас очередной виток, мы в Министерство вроде бы согласовали, и сейчас вопрос вышел на вице-преьера, и я обратился с просьбой дать импульс все-таки в Министерство, чтобы они свою позицию изложили. Причем вот первые лица, они, знаете, вот правда это выглядит, как в XIX веке Салтыков-Щедрин еще писал, то есть наверху как бы понимают и одобряют, а внизу это все тонет, и второй раз наверху я поясняю на простых примерах, как работает негативно эта система, а внизу она все равно тонет. И вот здесь чего-то где-то не хватает.

Это я о чем? О том, что когда мы начинаем погружаться в любую проблематику, промышленное производство, или вот я еще выступил с инвестором завода по переработке пластика, завод очень мощный, там порядка 12 миллиардов инвестиций, и была мера поддержки. Есть специальный Фонд, который экологические инициативы поддерживает, и порядка 30% мы получили по льготной ставке, и когда ставка Центробанка увеличилась до 21%, просто завод стал работать в убыток. И мы стали изучать возможность получения новых мер поддержки льготных режимов, потому что этот завод, он в принципе очень важен и нужен и области, и стране, оказалось, что если ты уже одну меру получил, то как бы и все.

И на момент получения субсидии 30% потолок был этой субсидии, и буквально через полгода закон изменили, и теперь можно субсидированный кредит получать до 99%, но опять же, проект, который, по сути, построен и работает в убыток, он никого не интересует, вы рискнули, вы понесли убытки, поздравляем, завод можно закрывать условно.

И вот такие мелкие кейсы, я постоянно присутствую на встречах с министрами и с вице-премьерами в Деловой России, и они постоянно задаются, и часть из них решается, но решается очень медленно.

(00:35:00)

И готового ответа, как ускорить у меня нет, но я понимаю, что если мы просто смотрим на цифры, которые нам не нравятся, и не переходим к каким-то действиям, то есть как должны работать институты... Конкретно с министерствами, если бы Министерство экономического развития имело некий приоритет перед Министерством финансов и могло на себя взять ответственность, что мы уверены, что вот этот проект при таком-то режиме налогообложения или при такой-то поддержке принесет стране пользу и разовьет бизнес, тогда Министерство финансов, оно считало бы просто эти деньги. А сейчас у нас Министерство финансов стоит впереди и все инициативы развития, оно просто рубит. Вот такой мой, к сожалению, вывод.

Константин Бабкин: Знакомая ситуация, да. У нас Министерство финансов – такое ведущее министерство вообще, руководит всей экономикой, и это руководство привело к тому, что в России самые высокие налоги, мы считали, в России комбайн производишь, продаешь за 100 рублей, 53 рубля себе забирает государство. В Китае 35, в Европе 37, в России 53, гораздо выше. Мы говорим: «Ну смотрите, вы построили такую экономическую модель, при которой в России никто не хочет производить, ну не рентабельно производить автомобили, экскаваторы, самолеты, станки», вернее желающие-то есть, но у них возможности нет, мы проиграли огромные отрасли, они ушли в небытие.

С 2014 года начали появляться какие-то меры поддержки. Из этих 53 рублей начали выплачивать 10% субсидий, 1432 в сельхозмашиностроении появилась такая мера поддержки. Как появилась, это сразу выровняло условия конкуренции, отрасль начала развиваться. Мы из 24% рынка стали сейчас занимать 70%, но два года, в прошлом году Минфин сказал: «Ну что-то слишком хорошо, перегрета экономика, давайте деньги экономить, деньги очень нужны». Субсидию начали резать, ее как-то манипулировать и распределять совершенно непредсказуемым образом. То есть фактически мы стали опять проигрывать конкурентную гонку и пошли вниз. У нас и прошлый год стал худшим за 10 лет по продажам, и этот год начали мы еще с дополнительного падения.

То есть вот это такая жадность, о которой Михаил Петрович сказал, такая экономия денег, жадность, ведущая к бедности. Это желание заработать денег со стороны Минфина, оно ведет к тому, что экономика не развивается, меньше становится налогооблагаемая база, государство меньше может расходовать, и включаются прочие механизмы. Еще один абсурд, абсурдность современной экономической модели. Валентин Юрьевич Катасонов, председатель Русского экономического общества имени Шарапова, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства. Пожалуйста.

Валентин Катасонов: Спасибо за возможность выступить перед Форумом московским экономическим. Очень рад, что он продолжает существовать. Я хотел бы, знаете, начать с чего? Владимир Андреевич, вы начали очень важную тему, которую я бы так назвал. Это

симптомы болезни, симптомы болезни. Вы определили некоторые количественные параметры, вы определили тенденцию, то есть пациент с каждым годом себя чувствует все хуже и хуже.

Да, но я могу только добавить, что в 1992 году впервые Международный валютный фонд оценил долю Российской Федерации в мировом ВВП. Естественно, по паритету покупательной способности оценка была 4,85%. На сегодняшний день там оценки варьируют, ну, плюс-минус где-то около планки 3%. Я хочу сказать, что я погружаюсь в эту кухню, они постоянно манипулируют показателем паритета покупательной способности. Это большая политика. Они опускают, потом повышают, но все равно до определенных пределов. Я хочу сказать, что тенденция понятна. Тенденция того, что мы снижаемся и можем просто врезаться в землю. Кончится все катастрофой.

Хотелось бы понять, а почему происходит снижение высоты самолета, что там не в порядке. Можно сравнить это с медициной.

(00:40:02)

Грубо говоря, есть симптомы. Надо, значит, от симптомов переходить к диагнозу. После диагноза надо разрабатывать программу лечения пациента, которая включает в себя и физиотерапию. Может быть, оперативное вмешательство. Естественно, какие-то фармакологические средства. Я так аллегорически выражаюсь. Я думаю, что аудитория прекрасно понимает мою аллегорию.

Я хотел бы сказать, что все-таки надо поставить диагноз. Я его ставлю. Мы не в состоянии изменить эту траекторию пикирующего бомбардировщика по той простой причине, что мы являемся, будем так говорить, полуколонией. До сих пор, несмотря на все высокие заявления по поводу того, что мы двигаемся к суверенитету, и что мы даже суверенны, на самом деле идет внешнее управление страной. И речь не идет о каких-то там иноагентах, которые ведут какую-то подрывную деятельность. Они, наверное, ведут, но это пусть докладывают люди из ФСБ или из каких-то других ведомств.

Ну вот, Центральный банк. Центральный банк, собственно говоря, имеет прямые связи с международными финансовыми институтами, такими как Международный валютный фонд, как Банк международных расчетов. Оттуда идут команды, они их исполняют. Почему бы не выйти из Международного валютного фонда? Почему бы не хлопнуть дверью в Банке международных расчетов? А так, в общем-то, продолжается внешнее управление.

Ну, это, как говорится, еще цветочки. Можно сказать о том, что... Тут очень такой интересный вопрос в программке. Я тут поставил вопросительный знак. Заблуждение о естественных монополиях. Естественные монополии могут быть частными, а их тарифы регулирует рынок. Просто когда я вижу сочетание «монополия и рынок», у меня возникает некий когнитивный диссонанс. Там, где монополия, там рынка уже быть не может.

Мы в 90-е годы открыли свою экономику полностью. Соответственно, значит, мы подпали под управление транснациональных банков и транснациональных корпораций. Идет уже четвертый год специальной военной операции. Четвертый год санкционной войны коллективного Запада против России. Но все двери и окна открыты. И мы пытаемся при этом что-то исправить. Мне это, вы знаете, напоминает картинку. Я даже шутивную такую картинку рисую. Госпожа Набиуллина живет в каком-то загородном доме. Вот тоже аллегория. Пришел какой-то злой дядя и сказал: «Открыть двери и окна». На улице зима, минус 30. А в доме-то холодно, там уже минус. Она стоит около газового котла и пытается каким-то образом отрегулировать температуру в доме. Она уже повернула ручку регулятора до плюс 100. А в доме все равно минус.

Это такая аллегория, чтобы было понятно, что Центральный Банк имитирует управление процессом или режимом, температурным режимом в экономике. Это все полный абсурд. Но самое интересное, что средства массовой информации, они как-то из года в год капают на мозги людей, и люди начинают действительно верить в какой-то перегрев экономики. Ну какой перегрев экономики? У Китая темпы экономического роста были иногда выше 10%. Сегодня они все равно в два раза выше, чем в России. Я ни разу не слышал, чтобы в Китае кто-то сказал, что у них перегрев экономики. Ну и так далее. Понимаете, а мы начинаем уже поддакивать и говорить: «Да, вот перегрев экономики».

Так что идет внешнее управление. Идет внешнее управление через транснациональные банки, через транснациональные корпорации, через офшорные юрисдикции. А через офшорные юрисдикции как? Я предлагаю, вы знаете, многие секреты, они находятся под ярким светом уличного фонаря. Откройте сайт Центрального банка, откройте международную статистику, там, где международная инвестиционная позиция Российской Федерации.

(00:45:00)

Международная инвестиционная позиция Российской Федерации – это наши активы за рубежом, их активы у нас в России. Так вот, за три, уже почти скоро будет, уже четвертый год идет, наши зарубежные активы практически не изменились. Там идет какая-то, знаете, вакханалия, мы, значит, морозим там какие-то яхты, какие-то там депозиты российских олигархов. А я смотрю по инвестиционной позиции, 1 трлн долларов наших активов. Я не беру в расчет международные резервы. Международные резервы я минусую, я беру только то, что частный капитал. А частный капитал, на самом деле, он окопался в офшорных юрисдикциях. И крупные и крупнейшие предприятия российской экономики, они управляются оттуда, там находятся... Там нету реальных физических активов, там нету даже денег, там есть регистрация в офшорных юрисдикциях, а все офшорные юрисдикции серьезные, они находятся под англосаксами. Соответственно, англосаксы через офшорные юрисдикции продолжают управлять российской экономикой.

То есть, если так говорить совсем коротко, нам надо закрыть двери и окна. После этого можно уже обсуждать, какую температуру поддерживать с помощью газового котла в нашем загородном доме. Вот я так образно выражаюсь.

По поводу инфляции. Я просто удивляюсь, как могут на Неглинке заморочить голову гражданам. Я учил экономику более полувека тому назад, и нам объясняли очень просто, что такое инфляция, что такое дефляция. Нарушение баланса между товарной и денежной массой. Если, значит, баланс меняется в пользу, или, вернее, пропорция меняется в пользу товарной массы, то тогда будет дефляция. Если наоборот, то это инфляция.

Я прекрасно помню, как нам говорили, что для того, чтобы не было инфляции, надо, чтобы деньги работали, кредиты работали. Сегодня же у нас практически почти все деньги – это кредитные деньги. Некоторые даже говорят, что все 100% денег – кредитные деньги. Центральный банк осуществляет сам эмиссию денег или организует эту эмиссию через коммерческие банки. Это депозитные безналичные деньги. Самое интересное, что это деньги, которые не работают. Они не создают товарную массу.

Давайте посмотрим цифры за прошлый 2024 год. Я немножко округляю. Прирост денежной массы, денежный агрегат М2 – 20%. Прирост ВВП – 4,1%. Все просто прыгают от радости. 4,1%. А должно было быть как минимум 20%, если бы деньги были работающие. А они не работающие. А какие они? Во-первых, они отдыхающие. Потому что банки предпочитают не рисковать, а кладут деньги на депозит Центрального банка. Там в разные времена где-то от 5 до 7, даже 8 трлн рублей – это отдыхающие деньги. Конечно, будет инфляция.

Дальше. Деньги играющие. Они летят на биржу. На бирже ничего не создается. Там только перераспределяется. Там азартные игроки. Это еще триллионы и триллионы. Ну, наконец, еще третья категория денег. Я их называю порхающие деньги. Это деньги, которые не вкладываются в инвестиции, потому что это очень рискованно. И там маржа может быть минимальная, а может быть и убыток. Нет, это просто деньги под оборотку. Это под оборотку, скажем, в оптовой и розничной торговли. Вот это они любят. Это деньги порхающие.

То есть речь идет о том, что мы просто сравниваем какие-то денежные агрегаты, рассуждаем по поводу инфляции. Надо, чтобы деньги работали. Каждый рубль, который вброшен в экономику, должен создавать как минимум товарные массы не меньше одного рубля, а лучше полтора рубля. В советское время, между прочим, так оно и было. Один кредитный рубль создавал полтора рубля товарной массы. Это называлось противозатратный механизм экономики. Сегодня никто даже не вспоминает о том, что был такой, оказывается, противозатратный механизм экономики.

(00:50:02)

Дальше, что мне хотелось бы сказать. Заблуждение о Банке России. Я тут уже немножко поделился своими мыслями на этот счет. Банк России на самом деле является органом

государственной власти. Это на самом деле тяжелейшее попрание основного закона Российской Федерации, когда Банк России на своем сайте, на странице «Организационно-правовой статус Центрального Банка» говорит, что он независим от государства. Статья 75 говорит следующее: эмиссия рубля осуществляется исключительно Центральным Банком. Значит, основная функция Центрального Банка – защита рубля и обеспечение его устойчивости. Точка. После этого следующее предложение: «Эту задачу он выполняет независимо от других органов государственной власти».

Давайте дальше пойдём. Как происходит подмена Конституции. Да, мы ругаем Конституцию, но даже эта Конституция не исполняется. В этой же 75-й статье говорится о том, что Центральный Банк осуществляет исключительно эмиссию рубля. А Федеральный закон о Центральном Банке, который был принят в начале нулевых годов, говорит так: «Центральный Банк осуществляет эмиссию наличного рубля». Чувствуете разницу? Вообще-то, я не пойму, у нас есть правоохранительные органы, которые должны были бы навести какой-то порядок, кого-то посадить в тюрьму за такие преступления. Это преступление. Ну и так далее.

А есть еще 114-я статья основного закона. Это статья, которая перечисляет основные направления деятельности правительства Российской Федерации. А вторым пунктом в этом списке является следующее. Обеспечение финансовой и денежно-кредитной политики. Так кто отвечает за это? За это отвечает правительство. Сначала это был Медведев, сейчас это Мишустин. Но почему-то они как-то не хотят выполнять то, что предписано статьей 114-й основного закона. Но тут надо приглашать уже юристов на арену и слушать, что они могут сказать в защиту того, что сегодня происходит.

Еще хотелось бы обратить внимание на последний пункт вопросов. Заблуждение об экспорте. Опять-таки, я возвращаюсь к теме того, что у нас открыты все двери и окна. И на протяжении уже более трех десятков лет я регулярно, аккуратно провожу расчеты, сколько выведено национального богатства через каналы внешней торговли из России. Это называется профицит торгового баланса. Профицит торгового баланса, который в отдельные годы превышал 20-25% валового внутреннего продукта, это самое настоящее ограбление.

Ну и вот за последние три года посчитал, сколько? Три года мы ведем специальную военную операцию. Против нас идет необъявленная война коллективного Запада. А в это время мы вывели, я имею в виду только сальдо торгового баланса за три года, почти 640 миллиардов долларов. 640 миллиардов долларов, пересчитайте на рубли, это более чем годовой бюджет Российской Федерации. Вот какую колониальную дань мы продолжаем платить. Ну о каких реформах может идти речь, если мы даже не можем зафиксировать диагноз, а если мы правильно и честно и смело зафиксируем диагноз, тогда можно уже говорить о лечении. Ну вот я, наверное, превысил свою квоту, так что спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо. Так, идем дальше. Василий Георгиевич Колташов, директор Института Нового Общества, экономист.

Василий Колташов: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Вот, пожалуйста, у меня презентация становится доступна. Первый слайд. Дело в том, что я буду говорить не о том, о чем говорили коллеги о проблемах в таком чистом виде, я буду говорить о некоем фундаментальном вопросе, который касается всех нас. Дело в том, что мы часто слышим о том, что Россия удаляется от либеральной, свободной рыночной экономики, и не надо ей удаляться дальше. Что нужно постараться не удаляться дальше от этой некоей нормальности, потому что через некоторое время, как закончится специальная военная операция, нам рассказывают, мы обратно окажемся в той вот экономической политике, в той экономической реальности, какова вызвала столь сильную критику на Московском экономическом форуме много лет.

(00:55:14)

Вот это мы слышим часто, и при этом мы слышим, что в мире происходит некий хаос, даже идет некая деглобализация, хотя мировая торговля растет, и я уверен и гарантирую вам, что она будет расти дальше, несмотря на распространение протекционистской политики. Так вот, вот эти проблемы, и в частности проблема вот этого самого доктринального мифа, о котором я сейчас говорю. Проблема очень опасная, я бы хотел это рассмотреть сейчас. И дело в том, что мы просто вступаем в новую экономическую эпоху, вступили уже, несколько лет в ней живем. И про эту экономическую эпоху нужно рассказать некоторые ее правила, для того, чтобы мы понимали, куда дальше двигаться, я об этом скажу, про некоторые, по крайней мере, действия, которые могут быть эффективны экономически.

Здесь такие забавные картинки, которые должны немножко пояснить по поводу термина. Дело в том, что тут обложка моей книги 2019 года, и тут же высказывание будущего тогда американского президента Дональда Трампа 2023 года, где он сказал о том, что он будет проводить неомеркантилистскую политику, новую меркантилистскую политику. Мы ее, собственно говоря, сейчас в США наблюдаем. Наша экономическая политика тоже, шаг за шагом смещается в сторону вот этого самого неомеркантилизма, нового меркантилизма.

Что же это такое, в чем выражается вот эта эпоха и эта экономическая политика, которая приходит на смену, даже целая система экономических отношений, которая приходит на смену старой неолиберальной реальности? Вот, собственно говоря, как работает неомеркантилизм. Прежде всего, развитие национального рынка, которое находится на первом месте, и которое не все хотят, собственно говоря, развивать этот национальный рынок. Это государственное вмешательство в экономику и сильнейшее государственное регулирование экономических процессов. Кстати говоря, оно должно быть правильным, об этом тоже много сегодня говорили, потому что вмешиваться можно и во вред.

Государство регулирует рыночные процессы и создает даже своей деятельностью, своим вмешательством экономический рост. И государство обеспечивает территориальное расширение рынка. Это то, что сейчас решается, та задача, которая решается в специальной военной операции. Я думаю, что мы получим это расширение рынка, и на этом дело, может быть, даже и не закончится. Ну вот, собственно говоря, американский

президент тоже ставит задачу территориального расширения американского рынка. Это задача поглощения Гренландии и Канады Соединенными Штатами, чтобы создать большой рынок территориально, больше инвестиционные возможности и большую устойчивость экономики. Ну, американская экономика имеет собственные проблемы, мы имеем проблемы отличные от американских, и государство в этой системе повышает свою управленческую эффективность, но, вообще-то говоря, оно должно повышать ее гораздо быстрее, лучше и качественней.

Ну и понижает издержки, создаваемые бюрократией, и при этом государство опирается на общество, патриотизм и социальный курс. Когда Московский экономический форум еще только появился, мы в России, по сути, патриотизма на государственном уровне почти что и не видели. Патриотическая повестка, она не господствовала. Это пришло в последние годы. И год за годом эта патриотическая повестка, этот социальный курс, социальное государство в статьях Конституции, это все усиливается год за годом. Таким образом, это является признаками такой большой экономической эпохи, в которой нам еще предстоит прожить самое малое два десятилетия. Потому что мы только-только в нее вступаем.

Но вот тут, кстати говоря, самое время перейти к проблемам. Сказать о том, какой, собственно говоря, неомеркантилизм в России нам нужен. Нам нужно дешевое и рациональное государственное управление. Рациональное – это, конечно, в первую очередь отвечающее экономическим потребностям. К сожалению, за время господства неолиберальных идей произошло чрезмерное разрастание бюрократии и рост бюрократизма. Причем, как ни странно, под знаменем вот этой свободной рыночной либеральной экономики плодился и плодился, и усиливался бюрократизм. И это становится, стало уже давным-давно проблемой для нашей экономики. И, конечно, это означает и прозрачность, и дешевизну государственного управления.

И самые слабые у нас, на мой взгляд, области – это образование и здравоохранение. Но образование особенно является проблемой просто потому, что промышленность нуждается в технически грамотных кадрах. И мы при этом получаем постоянную подготовку квалифицированных потребителей. Вот президент сказал о том, что нужно уже готовить вот те самые кадры для экономики, для промышленности, технически грамотных работников.

(01:00:04)

Но сколько не говорили горшочку: «Горшочек, не вари», горшочек по-прежнему варит квалифицированных потребителей, в школе руку детям не ставят, уроки труда носят теоретический характер, делаются презентации, суть которых... что значит, и презентация, а вот модель, простите, как же она называется у нас? Дети делают такие теоретические представления, проекты, проектная деятельность. Таким образом, насаждается проектное мышление, что экономическая деятельность сводится к продаже проекта. Нужно нарисовать картинку, продать ее, проектирование такое, и когда ты ее продал, эту картинку, все, на этом экономическая деятельность закончена, сделка состоялась, все,

бизнес закончен, то есть, а кто это будет делать, кто-нибудь вообще это будет делать? Нет, дети должны знать, что этого не происходит, это закладывается сразу школой.

Между тем, нужно делать ровно обратное, то есть, ребенок должен понимать, что он-то как раз и будет это делать, что проект существует для того, чтобы его реализовать, а не для того, чтобы его продать. И это серьезная проблема, только если мы говорим про школу, не говоря уже про то, что я сказал, здесь написано об этом, третьим абзацем идет, что контроль стоит выше результатов, результаты особенно не нужны, при этом правительство поставило к 2030 году цель в 5 млн новых специалистов технически грамотных. Ну, вопрос, в каком качестве мы их получим. То есть, количественно исполнено будет, а в каком качестве?

Эта проблема также существует и в системе высшего и среднего образования, особенно в высшем образовании, бюрократизм просто тотальный, ну и коррупция, естественно, потому что, как мы хотим, да? Если главенствует принцип, что учить, преподавать должны не те, кто занимается этим практически, а те, кто обладает определенными бюрократическими регалиями, степенями, званиями, мы получаем, конечно... а да, и при этом все еще построено на отчетности, ну что, экономика получит специалистов? Нет, она их не получит.

Второй пункт, я его пропустил, о нем нужно сказать отдельно, что, находясь в ситуации, когда у нас есть большое количество недружественных государств, они все в 2022 году включены в специальный перечень правительства Российской Федерации, было бы правильно освободить интеллектуальную собственность этих государств. То есть сделать ее не собственностью, не признавать ее на территории Российской Федерации собственностью, то есть просто информацией, как у нас, допустим, арабские цифры являются просто информацией, они никем не запатентованы, никому не делаются отчисления, никому не принадлежат, то же самое алфавит.

И вот эта практика, она позволит дать, ну, то есть если мы освободим огромное количество технологий, рецептов, мы дадим дополнительные возможности для внутреннего производства. Это касается и фармацевтической отрасли, и производства деталей машин, это касается многочисленных сфер экономики, но нужно сделать этот принципиальный шаг, потому что внутреннее право должно быть на практике выше внешнего права. То, что где-то в Соединенных Штатах кому-то дали патент, это не должно ни в коей степени означать, что здесь, на российском рынке, это означает привилегии.

Ну и последний пункт, это патриотизм и гуманизм, как воспитание человека, в общем-то, творца. Это должно вернуться, потому что квалифицированный потребитель, он не патриот, он не гуманист, он не созидатель. И это серьезная проблема, о которой, наверное, можно будет когда-нибудь поговорить подробнее отдельно. Большое всем спасибо.

Константин Бабкин: Еще одна речь с полной иллюстрацией того, что у нас целеполагание различается у тех, кто хочет созидать в России, и у тех, кто реально управляет экономикой.

Так, идем дальше. Марцинкевич Борис Леонидович, главный редактор аналитического журнала Geoenergetika.info.

Борис Марцинкевич: Всем добрый день. Большое спасибо за возможность участия. Было неожиданно, приятно. Неожиданно то, что я про экономику точно ничего не знаю. Я вот ее как учил в Высшей школе когда-то, так на этом все и закончилось. И я сейчас сижу так, глазами хлопаю, а что вообще происходит? Развитие экономики – это развитие чисел ВВП. Ну хорошо, у нас вот сейчас состоялся отчет премьера о работе Правительства в Государственной Думе. Он сообщил, что отрасль машиностроения выросла на 20%. Ну, замечательно. В энергетическом машиностроении расценки на оборудование для электростанции за последние три года подорожали на 40%. Вот рост-то в чем?

Мы, энергетики, привыкли в штуках, в тоннах, в кубометрах. В советской школе меня учили, что есть такое понятие, как СОП.

(01:05:03)

Совокупный общественный продукт. Все, что можно потрогать руками, плюс расходы на транспортировку. Этого показателя мы не видим. У нас растет некий ВВП. Но давайте увеличим расценки в парикмахерских в пять раз. У нас ВВП вырастет. Поэтому я действительно не понимаю, что такое экономика, почему она в таком странном виде. Должны быть два параметра – ВВП и СОП. Тогда мы понимаем, что у нас в экономике происходит. У нас растут не только денежные обороты, но и вещественные товары. Вот тогда понятно, что мы растем.

Я не понимаю, что делает Центробанк. Он говорит о необходимости некоего охлаждения экономики. У нас на день сегодняшний, по состоянию на 1 апреля 2025 года, ушли в право проекты модернизации уже 44 электростанций. Это не охлаждение, это заморозка России. Россия – это такая страна, где 70% энергетических ресурсов уходит на производство тепла. Если у нас это оборудование выходит из строя, мы замерзнем. Я не знаю, как там выглядит ВВП. Давайте возьмем Якутию, Микуньский регион, какой-нибудь райончик. Вот ВВП там выросло, потому что дизельное топливо для электростанции стало дороже. Не смогли купить. Нет поселка, он просто умер. Весь.

Попытки копировать чужие рецепты на Россию, на мой взгляд, это просто безумие. Нет больше такой страны в мире, которая живет в 11 часовых поясах в совершенно разных климатических условиях. Если мы посмотрим на результаты реформы РАО «ЕЭС», я надеюсь, тут никому не надо объяснять, что энергетика – это основа нашего уровня жизни, нашей промышленности, нашего сельского хозяйства. Нет энергетических ресурсов. Мы просто легли и умерли, или вернулись к сохе. В прошлом году было 15 лет реформам РАО «ЕЭС» России. Кто-нибудь подвел итоги, что получили? Нет.

Зато с 1 января этого года все правила нашего рынка электроэнергии натянуты на Дальний Восток. Вот там было государственное регулирование, а сейчас рынок. А на основании чего? У нас хорошие результаты там, где рынок работал, и мы считаем, что их надо приумножить? Никто не анализировал. У нас радостно говорили о том, что с 1

января новые национальные проекты. А где итоги предыдущих? Для того, чтобы двигаться вперед, в энергетике начинается все с технического аудита. Мы не подвели итоги того, что мы делали, и мы настроили новых планов. Дело не в том, что надо найти ответственных, а надо разобраться, мы смогли выполнить, или мы напланировали так, что ничего не сделали. И виноваты объективные обстоятельства или субъективные.

И только после этого новые планы появляются. А мы несемся, и мифы, которые мы постоянно слышим в СМИ, рост ВВП на 4%. Это хорошо или плохо? Он в чем измеряется? Мы не знаем. Кто-то наколдовал, выдал какое-то число. Ну хорошо. В следующем году оно будет больше, меньше. Но если смотреть по ВВП, вот здесь показали, что Россия отстает. Но с 2014 года мы живем в условиях рестрикции, и темп развития не снижается. Может быть, дело как раз в том, как выглядит СОП в России и в так называемых развитых странах? Может быть, у нас промышленность, она в штуках, в тоннах, а там в килобайтах каких-то **консультационных** (01:08:51) услуг, и поэтому вот так получается.

Не зная СОПа, его структуры, мы не понимаем самой России. Мы не понимаем, куда мы двигаемся. Но мы строим новые и новые стратегии. Стратегии никак не совмещены друг с другом. Это и в советские времена была проблема межведомственных соглашений, но она и сейчас никуда не делась. У нас есть стратегия пространственного развития России. У нас, по крайней мере, министр энергетики обещал, что 1 апреля появится текст энергетической стратегии до 2050 года, уже разрешенный Правительством. Уже апрельское настроение, 1 апреля, энергетическая стратегия. А эта энергетическая стратегия с нашим пространственным развитием как-то совпадает? Никто не знает. У нас происходят вещи удивляющие. В прошлом году РЖД отчиталось о том, что провозная мощность Восточного полигона выросла до 180 млн тонн в год. Прекрасный результат, если мы собираемся развивать свой Дальний Восток.

(01:10:03)

В итоге того, что возможность грузооборота увеличилась, он снизился на 6%. Вложены огромные деньги для того, чтобы провозная способность увеличилась, а грузооборот уменьшается. Мы что делаем? Мы слушаем отчеты, которые мне, к сожалению, в телевизоре, все, что происходит, все больше напоминает времена позднего Леонида Ильича Брежнева. У нас все прекрасно, все замечательно. Только что прошел Арктический форум. Все участники с восторгом рассказали о том, что грузооборот по Северному морскому пути вырос почти до 40 млн тонн. Это действительно на порядок больше того, что мы делали в советские времена. И никто, ни один из выступавших, не вспомнил, что задание было 80 млн тонн. Мы только 50% этого плана сделали. Я не к тому, что надо наказывать виновных. Надо разобраться, что произошло.

Нам только что на этом Арктическом форуме рассказывали о том, как будет развиваться наш Арктический регион, Дальневосточный регион. До 1 августа надо разработать план развития Арктического региона, за три месяца. Что мы делаем? Почему мы какие-то красивые слова считаем, что они нас как-то исправят, сделают жизнь лучше? Наши традиционные территории, я по-другому не хочу их называть, которые вернулись в состав

России, требуют огромнейшего внимания. Но там до сих пор даже какие-то юридические вещи не решены. Предприятия, которые необходимо развивать, иначе эти области останутся пустыми. Они по-прежнему в собственности каких-то людей, которые живут там где-то возле Киева. У нас огромные проблемы там, но регионы опустели. Если они опустели, где люди? Почему они не влились в экономику основной территории России?

Ну и так далее. Вопросов много. Одна из проблем, мое сугубо персональное мнение, Московский экономический форум – действительно здорово. Хорошо, что мы его умеем проводить, не обращая внимания на отсутствие чиновников, но он проходит один раз в год. Он проходит один раз в год, и нет каких-то постоянных комиссий, потому что наши чиновники живут в одном режиме. Еж – птица гордая, не пнешь – не полетит. Если мы их пинаем один раз в год, ну они какое-то расстояние, может, пролетят. А если пинать 365 дней в году, перемещение будет больше.

Так что... Мне кажется, что необходимо создание какого-то совета экспертов, экспертного агентства, не зависящего от наших правительственных структур, только в этом случае оно может быть объективным. Такие специалисты в России есть, в России вообще много есть. Здесь ругают школьников. Мне довелось побывать на инженерных чемпионатах для школьников, которые проводит «Росэнергоатом». Но это фантастические дети. Все, что вы говорили о творцах, что они куда-то делись, они никуда не делись. Они все здесь. Их просто надо уметь находить, надо уметь работать с ними. А для этого нужно встречаться чаще, чем один раз в год. У меня все.

Константин Бабкин: Спасибо. Нам в Telegram прислали несколько вопросов. Вот один из них такой. «Как мы знаем, в России сейчас всего буквально несколько высокоскоростных магистралей. Москва – Питер, Москва – Нижний Новгород. На данный момент в России существует всего один тип высокоскоростных поездов. Это «Сапсан», которых в России всего 16 штук. Между тем в Китае их огромное разнообразие, которые разрабатываются Китаем, а не немецкими Siemens, или французским Alstom, или испанскими компаниями.

Вопрос. Как Китайская Народная Республика смогла создать такие развитые высокоскоростные поезда у себя в стране? Какие конкретные меры были предприняты для того стремительного роста данной сферы, кроме существенного финансирования данной сферы за счет заемных средств? Какие конкретные шаги должны быть предприняты РЖД, «Синара группой», «Уральскими локомотивами» для развития собственной отрасли?» Егор Шабанов, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

Все, кто желает, ответят. Но мой ответ такой. Мне понравилась метафора Валентина Юрьевича о том, что нельзя просто прибавить температуру в котле. Надо закрыть дом, чтобы из него не сквозило. Навести порядок с финансами и, соответственно, потом закупить топливо и прибавлять температуру. То есть так же и с экономикой. Нельзя просто один закон какой-то принять, и у нас появятся высокоскоростные поезда.

Но, тем не менее, понятно, и набор мер он понятен. Нужно сделать три вещи. Первое. Сделать нашу налоговую систему не просто подавляющей, ориентированной на сбор максимального количества денег.

(01:15:05)

Надо придать ей стимулирующую функцию. И сделать так, чтобы налоги в России были не выше, чем в других странах. И для этого есть все возможности. Потому что все объективные возможности, да, есть. Дальше. Политика Центробанка должна быть, естественно, мягкой. И надо дать возможность тем, кто хочет инвестировать в создание скоростных поездов или железных дорог. Возможность брать длинные деньги, недорогие деньги и, соответственно, инвестировать.

И третье. Это протекционизм. Если где-то за границей субсидируется машиностроение, а это так, то надо защищать наших машиностроителей от этой неравной конкуренции и ставить пошлины на ввоз каких-то продуктов. Ну, понятно, еще надо кучу вещей сделать, с образованием навести порядок, с Министерством культуры. Надо ввести пошлины на экспорт металлов, например. И убрать вот эту странность, когда российский же металл стоит на 30% дороже, чем в Китае или в Испании.

Такой вот нехитрый набор мер. А он применялся и применяется и в Китае в данное время. И Евросоюзом применяется. И Трамп сейчас вот эту свою меркантилизацию. Это все тот же набор, нехитрый набор мер. Протекционизм, дешевый кредит и стимулирующие налоги. И он рассчитывает, что экономика поедет. Я верю, что у него действительно все гораздо лучше будет получаться, чем получается сегодня в Америке. Мой ответ такой, что сделать для того, чтобы у нас полетели поезда. Может быть, кто-то еще хочет добавить?

Василий Колташов: Можно немножко добавить. Китай не просил компанию Siemens поделиться с ними технологиями. Не сидел и не ждал, пока они придут и начнут инвестировать. И не пытался для внешних корпораций создавать какие-то сверхвыгодные условия. Он просто копировал все, что ему было необходимо. И создавал заказ крупномасштабный с гарантией расширения проекта, вот этого строительного проекта, который обеспечивал для тех, кто инвестирует в производство локомотивов, погонов, высокоскоростного транспорта, возможность не чувствовать себя теми, кто участвует в маленьком коротком проекте. Вот там Москва – Петербург построили, и все. А дальше у нас ничего не будет. Вот такого не было. Они развертывали гигантскую программу строительства.

И, в общем-то, России такая программа тоже нужна. При том, что необходимо не бояться. Все, что нам нравится, забирать и совершенствовать. И китайцы легко выдают патенты своим предпринимателям, своим инженерам. Очень легко. Они не смотрят, у американцев или у Евросоюза уже выдан патент? Какие проблемы здесь? Спасибо.

Валентин Катасонов: Я не про магистраль, а вот про ваше ключевое слово протекционизм. Да, потому что вопросы могут быть не только по магистралям, но и по многим другим подобным же проектам, товарам. На самом деле, мы до сих пор парадоксальным образом остаемся членами Всемирной торговой организации. Я просто помню 2012 год, когда вы были в первых рядах тех, кто стояли грудью против вступления в ВТО.

Константин Бабкин: Вы тоже были в этих рядах, Валентин Юрьевич.

Валентин Катасонов: Я тоже тогда повоевал, да. Но мы, к сожалению, все-таки за уши нас втянули в эту организацию. Но уже и Трамп несколько раз заявлял о том, что, скорее всего, мы выйдем из ВТО. У нас пока чиновники помалкивают. С моей точки зрения, если будет принято решение о выходе из ВТО, это первый симптом, первый признак того, что мы начинаем обретать суверенность. Но пока, к сожалению, я такого признака не заметил.

Константин Бабкин: Они даже не помалкивают. Они говорят, что нет, мы должны соблюдать международные обязательства, и мы должны соблюдать ВТО. Нам нельзя не вводить каких-то пошлин. Мы должны держать рынок открытым. Это официальная позиция.

Владимир Гамза: Мы до сих пор почему-то не поняли, что основная задача государства в рыночной экономике – это создание высокоэффективных, самых конкурентно способных рынков. У нас государство управляет ситуативно. Более-менее по-настоящему в рамках одного года бюджета. Ну и немножко дополнительно факультативно в рамках планируемого бюджета на три года. И решение принимается, как правило, это такое латание дыр. Вот там прорвало, вот там. А у нас скоростных нет, давайте скоростные.

(01:20:02)

Любой рынок – это комплексная система, которую надо, если мы хотим создать рынок настоящий, высокоскоростных магистралей, поездов и всего, что с этим связано, то это нужно создавать как рынок. Специальный национальный проект, комплексный, долгосрочный, со всем объемом финансирования по всему проекту на весь этот срок и так далее. Если мы не перейдем к такому планированию, проектному управлению, то мы так и будем болтыхаться, решая какие-то сиюминутные задачи. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Так, еще вопрос. «В КНР на данный момент присутствует несколько кризисов, как в сфере жилья, так и в сфере муниципалитетов. На данный момент китайское правительство всеми средствами пытается поддержать рынок жилья и выкупает часть долга у муниципалитетов. Вопрос. Разве в данных секторах не существует перегрева?» Тоже Егор Шибанов, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

Валентин Катасонов: Я готов.

Константин Бабкин: Вы сказали, что перегрева не видите в Китае.

Валентин Катасонов: На самом деле это я бы назвал по-другому. Китай, который себя позиционирует социалистическим государством, на самом деле развивается как капиталистическая экономика, со всеми отсюда вытекающими последствиями такого развития. Одним из важнейших моментов такого развития является то, что деньги являются кредитными. Деньги не только в Китае, но и в России, и в Соединенных Штатах Америки. В тот момент, когда они рождаются, вылетают, образно выражаясь, из печатного станка, возникает долг.

Есть Институт международных финансов, который скрупулезно отслеживает суммарную величину долга по странам. Естественно, что в Соединенных Штатах Америки в списке лидеров 300% валового внутреннего продукта. Я немножко округляю. Страны еврозоны, с некоторыми допущениями, и страны Европейского Союза – тоже 300% валового внутреннего продукта. Третьим в этом списке значится Китай. У Китая 300% ВВП и их совокупный долг. Я беру все сектора, и государственный, и корпоративный, и сектор домашних хозяйств.

Но Китай уникальная страна в том смысле, что там есть очень развитый теневой банкинг. Это отдельная большая тема. И специалисты знают, что вот эту официальную цифру 300% надо помножить на два. Реально 600%. Это сверхзакредитованная экономика. Понятно, почему у китайцев идея фикс – темп экономического развития? А потому что им необходимо хотя бы просто обслуживать тот долг, который уже создан. Вот в экономику вбрасываются деньги, предположим 100 единиц. Но это кредит. Кредит, выданный под 10% годовых. Через год надо возвращать 1 млн 100 тыс. А 100 тысяч нету. Значит, идет рефинансирование долга. Выстраивается долговая пирамида.

Китай – это классическая страна долговой пирамиды. Они не знают, как им демонтировать эту пирамиду без серьезных последствий – экономических и социальных. В общем, фактически Народный банк Китая сейчас пытается... Основная нагрузка сегодня принесена на нижний муниципальный уровень. Там очень высокая закредитованность. Поэтому, скорее всего, экономический кризис. Да, и вот эксперты этого института международных финансов. Они рассуждают, откуда начнется очередной мировой кризис. Финансовый или экономический. Вот называют три возможных центра. Европа, Соединенные Штаты и Китай. С моей точки зрения это может быть Китай. Я просто не знаю, как они вырвутся из этой ситуации. Потому что им надо иметь такой прирост ВВП для хотя бы обслуживания возникшего долга, который должен, по моим оценкам, составлять 15% в год. Вот тогда они будут держаться хотя бы на плаву.

(01:25:05)

Если меньше 15%, а у них сегодня в три раза меньше, то они медленно идут ко дну. Но они пока делают хорошую мину при очень плохой игре. Вот мое такое мнение.

Валентин Катасонов: Короткая реплика. Китай сейчас совершает маневр от фабрики мира к машиностроителю мира. Китай наращивает производство промышленных роботов. Вообще роботов. И фабрика мира уйдет в другие страны. Индия будет производить очень много. Бразилия, вся Латинская Америка. Вот тот ширпотреб, к которому мы привыкли как к китайскому продукту, он будет поступать из гораздо большего количества государств в гораздо больших объемах. А Китай будет продавать им промышленное оборудование. Собственно, что он и делает, поддерживая экономический рост Индии, например.

Константин Бабкин: Для меня новость, что Китай – это долговая пирамида. Я вижу, что там построили слишком много. Страна реально отстроена. В одном Шанхае за 10 лет построили тысячу зданий, каждое больше 100 метров высотой. Наверное, уже больше не надо небоскребов. Жилье построено. Да и дороги в целом построены. И автомобильные,

и железнодорожные. Я верю, что там есть падение в строительной отрасли. Но я вижу, что творческие силы Китая перебрасываются в автомобильное строение. Вот они завоевали наш рынок за три года. Автомобильный рынок. Они завоевали наш рынок за три года строительной техники. Они в электронике совершают огромный процесс. Китайская электроника, планшеты, телефоны, пожалуйста, очень популярна. Это интересно.

Валентин Катасонов: Константин Анатольевич, я еще две копейки хочу добавить в нашу дискуссию. Именно почему я даю такой прогноз? Для того, чтобы мы слишком не увлекались российско-китайским сотрудничеством. Надо держать дистанцию. Потому что если рухнет та пирамида, она нас тоже очень больно накроет.

Владимир Гамза: Действительно, в Китае сегодня долг в целом больше ВВП, более чем в два раза. Колеблется 2,2-2,5. То увеличивается, то чуть-чуть уменьшается. Но совершенно очевидно, другого варианта не выстроить новую экономику через инфраструктурное, опережающее инфраструктурное строительство не существует. А опережающее инфраструктурное строительство требует увеличения долга. И просто другого варианта не существует. Поэтому я думаю, что Китай сейчас инфраструктурное строительство практически завершает. Остаются там какие-то небольшие вещи.

И он за счет увеличения объемов производства продукции и экспорта этой продукции на основе построенной мощной инфраструктуры. На самом деле Китай в год строил железных дорог столько, сколько у нас всего в России. Вот почувствуйте масштаб. И он эту программу сделал. И сегодня эта программа позволит ему увеличить производство продукции, в том числе на экспорт, в огромных объемах. Я думаю, что Китай справится с этим объемом долга. Спасибо.

Валентин Катасонов: Я хотел бы все-таки поспорить с вами. Вы говорите, что альтернативы нет. Я ведь еще раз подчеркиваю, что хозяева денег, мировые ростовщики, они сконструировали такую модель денежную, которая предполагает, что деньги могут создавать долг и обязаны создавать долг. Выстраивание долговых пирамид приводит к тому, что они все больше и больше концентрируют мировые богатства в своих лапах. А вы говорите, альтернативы нет. Альтернатива есть.

Владимир Гамза: Разные на самом деле модели наращивания долга. Есть американская модель, когда они просто печатают доллары, бумажки, и на эти бумажки по всему миру скупают ценности. Это одна модель. А китайская модель, совершенно другая модель, инфраструктурная.

Валентин Катасонов: Теневой банкинг в Китае, потому и называется теньвым, что Народный банк Китая не обеспечивает контроль над этими кредиторами. И не надо думать, что это какие-нибудь там старухи-процентщицы, как у Достоевского. Это крупные промышленные компании, страховые компании, инвестиционные фонды, у которых есть избыток наличности.

(01:30:05)

Они просто дают эти деньги в кредит. Но это не фиксируется Народным банком Китая и другими финансовыми регуляторами. 600%, я говорю. И вы говорите, что у Китая есть светлое будущее. Я категорически с этим не согласен. Так же, как категорически не согласен с тем, что нет альтернативы этой модели денежной системы, которую выстроили хозяева денег для того, чтобы стать хозяевами мира. Советская модель, она как раз и является этой альтернативой. Сегодня никто даже не вспомнил почему-то про эту модель.

А я могу сказать, что в Советском Союзе процентные ставки Госбанка и нескольких специализированных государственных банков, прежде всего «Промстройбанка», они были примерно в диапазоне 1,5-2% годовых. И это были те проценты, которые потом перечисляли в бюджет. То есть там дисбалансов не возникало. Не возникало дисбалансов, которые возникают именно в капиталистической модели.

И если взять «Промстройбанк», который создавал большую часть всех промышленных объектов в Советском Союзе, то в пассивах этого «Промстройбанка» были не только и не столько кредиты Госбанка СССР, сколько бюджетные деньги. Это в классическом виде проектное финансирование. Но не то проектное финансирование, о котором нам долдонят эти самые западные **кубники** (01:31:43).

Владимир Гамза: Я же про это и говорю, про проектные инфраструктуры. Я просто, Валентин Юрьевич, я тоже большую часть жизни прожил в советское время. И я тоже все это знаю, я все это видел. И двухфакторную модель финансируемую и так далее. Двухвекторную, да, модель. Я все это знаю, не просто знаю я это делал.

Валентин Катасонов: Рассказывайте людям, если вы это знаете.

Владимир Гамза: Ну это... Ну можно, конечно, рассказать, но не...

Константин Бабкин: Ну давайте к следующему вопросу перейдем.

Михаил Гончаров: Можно я чуть-чуть добавлю про Китай? Просто я три раза за последние полтора года был. Самое главное, что я увидел, это что они с этими деньгами сделали. Можно было проесть, вложить неэффективно, построить какие-то сжигающие деньги объекты, проекты. Но они строят мировой проект. Вот что меня больше всего удивило в области дизайна, создания магазинов, торговых центров, магистралей. Это все мировой проект. Я даже вспоминаю времена СССР, я тоже в них жил. Это не китайская идея. То есть вы видите современный китайский торговый центр, магазин или магистраль. И вы понимаете, что это экстра, ультра модное, самое современное. То, чего нет ни в Голландии, ни в Японии, ни в Сингапуре. И они это научились делать собственными силами.

И вот как говорят, не дай удочку, вернее научите ловить рыбу и не давайте денег ребенку. Он сам себя пропитает. Вот китайцы, они научились работать. Вот это самое главное. Будет кризис, может быть, обнулится все эти, удавку на шею затянут. Но они умеют работать. А мы, к сожалению, в этом очень сильно пока что отстаем. У них уже научные разработки перешли в НИОКР. НИОКР перешел в промышленное массовое производство. И эта цепочка мощнейшим образом работает, создает ценности. А вопросы экономики,

они так или иначе будут решены. Через кризис, через боль какую-то. Но главное, что есть кому работать.

Валентин Катасонов: Я напомним, что в 20-е годы был бум. Так называемая гудящая Америка. И были буквально единицы людей, которые говорили, что страна катится к кризису. К страшному кризису. Их не слушали и не слышали. И наступил октябрь 1929 года. Паника и крах на Нью-Йоркской фондовой бирже. И дальше понеслось. И неслось целые 10 лет. До тех пор, пока не началась Вторая мировая война. Это я так, на всякий случай напоминаю.

Константин Бабкин: Мне лучше заходит идея о том, что если у вас есть станкостроение, есть инфраструктура, есть все, все, все. Наука у вас есть. То так или иначе все остальные кризисы преодолеете. И в частности преодолеете Великую депрессию. И будете на стороне победителей во Второй мировой войне. Потому что есть промышленная база. А деньги, деньги – это придуманная вещь. Просто главное, чтобы они не начали доминировать над этим всем. Как это грозит, кстати, нам.

«Хороший вопрос еще один. Существуют опасения по поводу заморозки счетов, депозитных счетов физических лиц с целью ввода денежных средств народа в общий оборот государства и ценные бумаги. Вопрос. Действительно ли такое возможно? Откуда появились подобные опасения?». От Анастасии Мортиной, ВГУИТ, Воронеж.

(01:35:15)

Ну, я скажу откуда появились такие опасения. Вот как раз наш случай, когда Центробанк, ну вообще вся политика тормозит развитие реального сектора экономики. Крестьяне, значит, не покупают комбайны. У нас там прям кратное падение в продажах сельхозтехники. Соответственно, не развивается сельское хозяйство. Все это ведет к падению станкостроения. У нас не развивается. Мы не строим самолеты гражданские, не строим автомобили самостоятельно и так далее. То есть у нас реальный сектор как раз подавлен. При этом ключевая ставка 21%. То есть государство собрало, сколько там называют, какие-то астрономические цифры, 100 триллионов. Я уже там не ориентируюсь в этих нулях. И на эти триллионы печатаются еще триллионы, триллионы, триллионы. При этом под этим нет реальной подложки. Поэтому народ спрашивает, не превратятся ли эти депозиты во что-то там такое, в дым. Отсюда этот вопрос. Как мы ответим с вами?

Владимир Гамза: Ну, вообще это родовая боль новой России, вызванная в свое время заморозкой вкладов и накоплений, страховых накоплений советского времени, 1991-1992 годы. Кстати, в соответствии с 73-м законом 1995 года, который предусматривал возврат всего этого с пересчетом, он действует и на сегодня. Каждый год, думаю, его продлевают действие, но к реализации не приступают. Сумма долга, советского так называемого долга перед гражданами нашей страны составляет более 500 миллиардов долларов. Более. На сегодняшний день более 500 миллиардов долларов. Вот отсюда эта самая боль.

Что делает Центральный банк для того, чтобы не замораживать? Хотя, конечно, навес новых денег, напечатанных последние три года, особенно во время известных наших

событий, он огромный. Огромный навес. Но Центральный банк специально держит высокую ставку при достаточно низкой инфляции. Инфляция у нас не более 10%, но ставка 21%. И это позволяет всем сегодня получать 10-процентный чистый инвестиционный доход, не делая вообще ничего, не рискуя ничем и так далее. И все стараются положить во вклад деньги. Вклады растут огромными темпами.

Да, я говорю о том, что делает Центральный банк для того, чтобы не перейти к заморозке. Скорее всего, никакой заморозки не будет. Центральный банк вот эту методику будет продолжать.

Валентин Катасонов: Я хотел тоже сказать на эту тему. Вы выразили долг государства в долларах. Я где-то полгода назад заходил на сайт Минфина. Там в рублях все было выражено. Примерно 63 триллиона рублей. Полтора годовых бюджета. Спрашивается, как я могу доверять государству, которое уже на протяжении почти трех десятилетий, даже больше трех десятилетий, не выполняет своих обязательств? И даже не напоминает об этом. Даже об этом не напоминает.

Второй момент. Есть масса вариантов, как выйти из ситуации хозяевам денег и нашим банкирам. Сегодня мы живем в такой век информации, когда каждый день мы глотаем лошадиные дозы новой информации и забываем о том, что было год назад. И тем более, что было 10 лет назад. А я напомним, что в 2013 году был банковский кризис на Кипре. И тогда специалисты еще сказали, что оказывается есть такая кипрская схема выхода из ситуации. Тогда центральный банк Кипра обратился во Франкфурт-на-Майне, там где штаб-квартира ЕЦБ, чтобы помогли кредитами. А они перед этим спасали Грецию. Сказали: «Мы уже использовали весь ресурс, на вас уже не хватит. Но мы вам можем подсказать, как выйти из этой ситуации.

(01:40:00)

Конвертируете средства клиентов на депозитах в инвестиции. А там половина клиентов по сумме – это были российские клиенты. Их инвестиции, то есть их депозитные деньги конвертировали в инвестиции. Они стали совладельцами банка. Я пришел в банк для того, чтобы положить деньги на депозит, а мне торжественно объявляют, что я теперь совладелец банка. Но некоторые из этих банков так и не сумели выкрутить, они обанкротились, и таким образом деньги клиента исчезли. Вот вам один из способов, как можно обманывать клиентов.

Владимир Гамза: На самом деле в России сегодня есть возможность, такой же способ, другого на самом деле не существует. Превратить сбережения в инвестиции. И государство, я не знаю, почему оно это не делает, легко вернуть гражданам долг, тот советский, также путем инвестиций. У государства сегодня такой огромный объем собственности, что можно было бы создать акционерное общество, внести в него всю эту собственность и акциями рассчитаться с гражданами. Это не привело бы ни к какой инфляции, но создало бы огромный объем финансового рынка. И граждане могли бы спокойно оперировать этим финансовым инструментом.

Я не говорю, что это самый лучший вариант реализации этого долга, но этот вариант вполне приемлем, если другого нет.

Василий Колташов: Просто те деньги, которые на депозитах сосредоточены сейчас, они на следующем этапе уйдут на покупку недвижимости. Когда рынок недвижимости будет перезапущен, они окажутся там. И изменится модель покупки недвижимости в стране. Прежняя модель, основанная на преобладании заемных средств, заменится на модель, когда главными будут собственные средства. Таким образом, расчет на то, что уменьшится количество должников. По крайней мере, я надеюсь на это, потому что в 2023 году было зафиксировано Федеральной службой исполнения наказаний 21 миллион человек, которые не могли справляться с долгами. 21 миллион человек – огромное количество. Я данных после этого не видел. Я думаю, что вряд ли стало сильно меньше, но эта проблема существует. Поэтому остановить разрастание вот этого кредитного пузыря у населения, кредитной зависимости населения, дать возможность людям копить деньги, вот такая высокая ставка, она, в общем-то, мотивирует к тому, чтобы не тратить и копить.

И по опыту мы знаем, что после Второй мировой войны по похожей схеме Соединенные Штаты разогнали рынок недвижимости и экономику во второй половине 1950-х годов.

Валентин Катасонов: Но, кстати говоря, американцы разогнали рынок недвижимости в нулевые годы. И кончилось это финансовым кризисом 2008-2009 годов. Я сейчас подробно об этом не говорю, но там все началось именно с кризиса на ипотечном рынке.

Валентин Катасонов: Любой бум кончается кризисом. Любой бум. Это вообще классика. Нет другого конца. И потом все начинается снова.

Константин Бабкин: Понятно. Ну, мы время исчерпали, уважаемые коллеги. Тут еще вопрос. Почему мы не разрешаем вопросы из зала? Я считаю вопросы из зала просто в следующих круглых столах. QR-код в начале мы на экран выводим. Скачивайте его и присылайте в Telegram вопросы. Будет ведущий реагировать. Спасибо за интересную дискуссию. Все будет хорошо. Движемся дальше.

(01:44:02) (Конец записи)